

W4Y5T4QA5QЙ91HGLA2НЯJD957B7JOV9Й1GH7QA5NJ9Q

ПРОСЛУШКА ПРЕДТЕЧИ СНОУДЕНА

БОРИС СЫРКОВ

Тайная война продолжается

Борис Сырков

Прослушка. Предтечи Сноудена

«Алисторус»

2013

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Сырков Б. Ю.

Прослушка. Предтечи Сноудена / Б. Ю. Сырков — «Алисторус»,
2013 — (Тайная война продолжается)

Разоблачения сотрудника американских спецслужб Эдварда Сноудена покажутся детским лепетом по сравнению с фактами, изложенными в этой книге. В ней перед читателем в строгом хронологическом порядке предстает мировая история разведки средствами связи. Детально прослеживается, как из экзотической разновидности разведывательной деятельности, какой она была в начале прошлого века, разведка средствами связи постепенно превратилась в грозное оружие, в настоящее время уступающее по своей силе, пожалуй, только ядерному. Ведь именно с ее помощью супердержавы держат под электронным колпаком весь мир, не исключая своих собственных граждан. Всепроникающая, не знающая границ и преград разведка средствами связи не брезгует ничем в достижении своих целей. Подкуп и шантаж, лихие операции в духе Джеймса Бонда на чужой территории, поставка другим государствам по заниженным ценам намеренно ослабленных средств защиты каналов связи – вот далеко неполный перечень приемов из арсенала разведки средствами связи, о которых рассказывается в книге. Как на протяжении более 40 лет КГБ вербовал американских шифровальщиков в Москве? Почему вся история компьютерной техники оказалась так тесно связана с разведкой средствами связи? Как случилось, что разведка средствами связи в США была отдана на откуп израильским компаниям? Почему, получив заранее сведения о подготовке террористов к атаке на США 11 сентября 2001 года, американские спецслужбы так и не сумели ее предотвратить? Об этом и о многом другом можно узнать, прочитав «Слухачей».

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Сырков Б. Ю., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

Пролог	6
Англичане	7
Школьные годы	7
Враги и союзники	11
Военные трофеи	18
Послевоенная трансформация	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Борис Сырков

Прослушка. Предтечи Сноудена

Пролог

22 мая 2013 года в Гонконг с Гавайев прилетел 29-летний американец Эдвард Сноуден. При себе он имел небольшой черный чемодан и четыре сумки с ноутбуками. В этих ноутбуках находились электронные копии секретных документов правительства США, содержание которых Сноуден собирался в самое ближайшее время сделать достоянием самой широкой общественности.

Готовиться к своей поездке в Гонконг Сноуден начал в феврале 2013 года, когда связался по электронной почте с обозревателем английской газеты «Гардиан» Гленном Гринвальдом. Сноуден предложил Гринвальду посмотреть размещенное в интернете видео, чтобы научиться обмениваться электронными шифрованными сообщениями. После того, как Гринвальд с помощью этого видео освоил работу с программой, позволявшей шифровать электронные письма, Сноуден перешел к обсуждению с Гринвальдом деталей встречи с ним в Гонконге.

В итоге Сноуден и Гринвальд договорились действовать следующим образом. В условленный день Гринвальд поднимется в фойе на третьем этаже гонконгского отеля «Коулун» и во всеуслышание спросит, как пройти в ресторан. Сноуден будет находиться поблизости, и, услышав фразу про ресторан, сам подойдет к Гринвальду, держа в руках «Кубик Рубика».

На состоявшейся встрече Сноуден передал Гринвальду привезенные с собой в Гонконг секретные документы. Сноуден заявил Гринвальду, что решил отказаться от анонимности в своих разоблачениях. Мол, по собственному опыту Сноуден хорошо знал, насколько неприятно было его коллегам ходить на допросы в ходе расследований обстоятельств прошлых утечек секретной информации из анонимных источников, и не хотел подвергать их новым суровым испытаниям.

Сноуден стал далеко не первым разоблачителем деятельности радиоразведывательных спецслужб, подобных АНБ, и, наверное, отнюдь не последним. И хотя в разоблачениях Сноудена не содержалось почти ничего нового, имеющихся сведений из других источников было накоплено достаточно, чтобы сторонний наблюдатель мог составить довольно полное представление о работе АНБ, ЦПС и иже с ними.

Англичане

Школьные годы

В 1902 году в Англии был опубликован рассказ английского писателя Редьярда Киплинга под названием «Беспроволочный телеграф», в котором описывались опыты по перехвату радиосигналов. Процесс радиоперехвата в «Беспроволочном телеграфе» уподоблялся спиритическому сеансу — те же «обрывки посланий, долетающие невесть откуда, отдельные слова, а в целом — ничего не разберешь». Рассказ был интересен тем, что в нем впервые открыто обсуждались вопросы, связанные с радиоразведкой.

В «Беспроволочном телеграфе» было правильно показано, что в начале 1900-х годов для того, чтобы использовать эфир в качестве источника разведывательной информации, не требовалось ничего, кроме оборудования, которое позволяло подслушивать чужие радиопереговоры. Однако по мере того, как такое оборудование получало все большее распространение, лица, общавшиеся между собой посредством радио, стали прибегать к помощи шифров, чтобы сделать содержание своих сообщений недоступным для других. Поэтому помимо перехвата эфирных сигналов для ведения радиоразведки вскоре понадобилось взламывать шифры, которые применялись для засекречивания передаваемых сообщений.

А как отреагировали английские взломщики кодов на описание в художественной литературе приемов, применяемых при ведении радиоразведки? Ответ прост: никак. Реагировать было некому. Дешифровальщики в Англии перестали официально существовать почти за полвека до публикации рассказа Киплинга — в 1847 году. До этого в почтовом министерстве был секретный департамент, сотрудники которого тайно читали перехваченную дипломатическую корреспонденцию других государств, а также частную переписку. Однако в 1847 году о существовании секретного департамента стало известно в ходе парламентского расследования скандального эпизода, связанного в перехвате и чтении почтовой корреспонденции итальянского политического эмигранта Джузеппе Мадзини, который проживал в Лондоне. И секретный департамент был немедленно упразднен.

Первыми после долгого перерыва собственной дешифровальной службой обзавелись английские военные. 2 августа 1914 года в военном министерстве было создано подразделение МИ-16. Главным направлением его деятельности стал перехват немецких радиосообщений. В 1916 году сотрудники МИ-16 получили роскошный рождественский «подарок» от немецкого начальника связи на Ближнем Востоке. Тот отправил по радио стереотипное поздравление своим подчиненным, зашифровав его с помощью сразу шести различных шифрсистем. И если к этому моменту времени в МИ-16 сумели вскрыть всего одну из них, то после преподнесенного «подарка» были взломаны все пять остальных.

В следующем году английские военно-морские дешифровальщики сумели добиться еще более впечатляющего успеха. В феврале 1917 года они прочли дипломатическую шифртелеграмму, которую министр иностранных дел Германии, отправил немецкому послу в Мексике. Содержание этой телеграммы было предано публичной огласке в марте 1917 года, что стало одним из побудительных мотивов ко вступлению США в войну на стороне Англии.

В 1919 году правительственный комитет по вопросам разведки, заседаниями которого руководил министр иностранных дел Англии Джордж Керзон, порекомендовал создать объединенную дешифровальную организацию. В результате 1 ноября 1919 года была учреждена так называемая Правительственная криптографическая школа (ПКШ). Слово «школа» в названии присутствовало не зря, поскольку ведущие дешифровальщики, работавшие в ПКШ, значительную часть своего времени посвящали обучению новичков.

Должностная инструкция с описанием обязанностей сотрудников была написана почти сразу после создания ПКШ и просуществовала в неизменном виде вплоть до 1980-х годов. Согласно этой инструкции, функции ПКШ носили исключительно оборонительный характер. Она должна была оказывать содействие при использовании шифров для защиты служебной переписки в других правительственных организациях Англии.

Но было у ПКШ и другое секретное предназначение, а именно – взлом иностранных шифров и в первую очередь – дипломатических. Поэтому по предложению Керзона ПКШ была передана в ведение министерства иностранных дел. Там она попала под начало директора секретной разведывательной службы (СРС). Тогдашний директор, а впоследствии и его преемник были военными моряками. Немудрено, что ПКШ неизменно находилась под значительным влиянием со стороны военно-морской разведки.

С окончанием Первой мировой войны средства и методы сбора радиоразведывательной информации претерпели значительные изменения. В ходе боевых действий большая ее часть поступала в штаб-квартиру ПКШ со станций перехвата в Западной Европе, на Ближнем Востоке и в Средиземноморье. В мирное время первостепенное значение для ПКШ приобрел перехват дипломатических шифртелеграмм, отправляемых по кабельным линиям связи. ПКШ удалось заключить негласные соглашения с частными телеграфными компаниями, чтобы те тайно копировали всю входящую и исходящую зарубежную корреспонденцию. Главенствующее положение английских телеграфных компаний на мировом рынке означало, что большая часть иностранных шифртелеграмм на каком-то этапе проходила по каналам связи, принадлежавшим этим компаниям. А это означало, что ПКШ никогда не испытывала недостатка в перехваченных шифртелеграммах.

В 1925 году СРС и ПКШ переехали в обветшалое здание напротив лондонской станции метро «Сент-Джеймский Парк». Дешифровальщики разместились на третьем этаже. Здесь дословные переводы перехваченных и прочитанных шифртелеграмм собирались в так называемые синие папки, которые отправлялись в английские правительственные учреждения. И хотя в этот период английские дешифровальщики работали над взломом всех крупных мировых держав, включая США, Францию и Японию, главным противником была Советская Россия. Причем ПКШ так увлеклась взломом советских шифров, что вплоть до середины 1930-х годов не уделяла должного внимания странам «оси».

В 1938 году в Англии началась подготовка к отражению воздушных ударов со стороны Германии. Тогда считалось, что уже в первые дни войны между Германией и Англией немецкие бомбардировщики сравняют с землей самые большие английские города. Поэтому по распоряжению министра иностранных дел начальник СРС Хью Синклер занялся поисками помещений, которые могли бы приютить его подчиненных вдали от Лондона, который, как предполагалось, станет основной мишенью немецких авианалетов.

Вскоре Синклер нашел для ПКШ подходящее место – викторианское поместье Блетчли-Парк в графстве Букингемпшир. После окончания Второй мировой войны в качестве основной причины выбора Синклера называлась близость Блетчли-Парка к Оксфорду и Кембриджу, где располагались одни из лучших университетов Англии. На самом деле, главную роль здесь сыграло наличие магистральных кабельных каналов для связи с Лондоном, а не возможность общения накоротке с самыми блестящими учеными Англии.

Как только Синклер объявил о своем выборе, начались бюрократические препирательства между министерством иностранных дел и военным министерством. Дипломаты посчитали, что передислокация ПКШ ввиду приближающихся военных действий на территории Англии являлась прерогативой военных, а посему финансирование должно было осуществляться исключительно из военного бюджета. В ответ военное министерство заявило, что ПКШ не имеет к нему ровно никакого отношения, да и война пока не началась, а значит раскошеливаться должно было министерство иностранных дел.

В конце концов Синклер купил Блетчли-Парк на свои личные сбережения. Это позволило сотрудникам ПКШ начать прибывать к новому месту своей дислокации уже 15 августа 1939 года. А Синклер расщедрился настолько, что пригласил на работу в Блетчли-Парке известного лондонского шеф-повара и организовал питание сотрудников ПКШ в ресторане, в котором им прислуживали официантки.

Несмотря на то, что военные не желали нести расходы на переезд дешифровальщиков из Лондона в Блетчли-Парке, основной упор в ПКШ все же был сделан на работе над чтением военной переписки. Соответственно ПКШ была разделена на военно-морскую, военно-воздушную и военную секции.

Через короткое время количество сотрудников ПКШ выросло настолько, что они перестали помещаться в основном усадебном доме Блетчли-Парка. На прилегающей территории началось активное строительство деревянных бараков, которым по мере готовности присваивались порядковые номера. Самым известным среди них стал барак № 6, в котором велась работа над взломом немецкого военного шифратора «Энигма».

Чтобы не привлекать к Блетчли-Парку внимание немцев, все антенны для ведения радиоперехвата были установлены в нескольких километрах от Блетчли-Парк. Одновременно для нужд ПКШ были реквизированы некоторые окрестные владения, включая школу-интернат для мальчиков.

Осенью 1939 года выяснилось, что Синклер смертельно болен. Его заместитель Стюарт Мензис стал главным претендентом на место Синклера. Мензис не отличался высокими умственными способностями и явно недолюбливал интеллектуалов. Однако министерство иностранных дел, посчитав, что «новая метла» в СРС принесла бы значительно больше вреда, чем пользы, решило вопрос в пользу Мензиса, который приступил к исполнению обязанностей начальника СРС 28 ноября 1939 года.

Мензис высоко ценил добываемую дешифровальщиками разведывательную информацию и предпочитал лично докладывать ее английскому премьер-министру Черчиллю. Однако Мензис был плохим администратором и мало вникал в нужды дешифровальщиков.

Осень 1939 года директор ПКШ Алистер Деннистон провел в поисках новых сотрудников. Он прекрасно понимал, что на службу в ПКШ нужно было привлечь не только побольше людей для выполнения рутинной работы, но способных математиков, которых ПКШ явно не хватало, поскольку большинство сотрудников ПКШ были лингвистами – специалистами по латыни и древнегреческому языку. Усилия Деннистона принесли хорошие результаты. В ноябре 1939 года в ПКШ из Кембриджа пришел математик Гордон Уэлчмен, который возглавил работы по взлому «Энигмы» в бараке № 6. По рекомендации Уэлчмена на работу в ПКШ был принят сокурсник Уэлчмена по Кембриджу Стюарт Милнер-Берри, который увлекался шахматами и вел шахматный раздел в лондонской газете «Таймс». А Милнер-Берри, в свою очередь, «сосватал» в ПКШ одного из членов своей шахматной команды Хью Александра.

Было бы неправильно считать, что в ходе Второй мировой войны английские дешифровальщики занимались взломом одной только «Энигмы». У немцев был еще телетайпный линейный шифратор, который в Блетчли-Парке окрестили «Тунцом». Он использовался высшим военным командованием Германии и был очень труден для взлома. «Тунец» работал в автоматическом режиме и непрерывно отправлял по линии связи, к которой был подключен, поток текста. Большая часть этого текста была фиктивной и не содержала никакой полезной информации, а просто посылалась, чтобы заполнить паузы между передачей сообщений. В Блетчли-Парке было создано специализированное электромеханическое устройство под названием «Колосс», которое применялось для автоматизации трудоемкого процесса взлома «Тунца».

В октябре 1941 года организационная структура ПКШ претерпела значительные изменения. Помимо военных секций в ПКШ появилась гражданская секция, занимавшаяся чте-

нием шифровок, в которых затрагивались дипломатические и экономические вопросы. В качестве директора СРС Мензис сохранил за собой контроль над ПКШ. Однако этот контроль был чисто формальным. Деннистон был назначен руководить гражданской секцией ПКШ, а бывший заместитель Деннистона Эдвард Тревис стал курировать военные секции.

Вскоре после реорганизации ПКШ гражданская секция была передислоцирована из Блетчли-Парка в Лондон поближе к иностранным посольствам, поскольку подслушанные телефонные разговоры работников этих посольств служили хорошим дополнением к прочитанным дипломатическим депешам, а также помогали взламывать зарубежные дипломатические шифры. Общее количество стран, к которым проявляли интерес в гражданской секции ПКШ в 1941 году, насчитывало порядка двух с половиной десятков. В их число входили не только страны «оси», но и Советская Россия, США, Франция и Турция.

Враги и союзники

С появлением у Англии новых союзников (в лице Советской России и США) в войне с Германией и ее сателлитами перед английскими дешифровальщиками возник деликатный вопрос, связанный с сотрудничеством в области радиоразведки с коллегами из союзнических спецслужб.

В период между августом 1939 года и июнем 1941 года многие английские политики считали, что в ближайшем будущем Германия, Италия, Япония и Советская Россия, действуя заодно, поделят мир между собой. Именно таким был план, который министр иностранных дел Германии Риббентроп пытался навязать Гитлеру. Однако в конечном итоге для Гитлера стратегический союз со славянским государством оказался неприемлемым из расистских соображений.

В этот период Советская Россия продолжала оставаться главной мишенью английской радиоразведки. ПКШ активно сотрудничала с дешифровальщиками из прибалтийских государств, которые, как и их английские коллеги, работали над взломом советских шифров. В 1939 году несколько сотрудников ПКШ были командированы в английское посольство в Стокгольме, чтобы воспользоваться там хорошими условиями для приема радиосигналов с территории Советской России.

Ключевой фигурой в работе над советскими шифрами в ПКШ был Джон Тилтман. Его первым заданием стало налаживание связей с финскими дешифровальщиками. Англия оплачивала расширение дешифровальной службы в Финляндии и снабжала финнов новейшим дешифровальным оборудованием в обмен на перехват из советских линий связи. В сентябре 1940 года масштабы англо-финского сотрудничества в области дешифрования возросли после визита в Финляндию начальника английской военно-морской разведки Годфри. По окончании Второй мировой войны этот эпизод в документе, подготовленном в ПКШ для внутреннего пользования, был описан так: «Финны согласились снабжать нас перехватом и делиться информацией о достигнутых успехах в дешифровании при условии, что мы будем делать то же самое».

К марту 1940 года английские станции перехвата советских сообщений появились на Ближнем Востоке, в Египте, Гонконге и на Мальте. Последовавшее резкое увеличение объемов перехвата потребовало организационных изменений в ПКШ. Там была создана «советская» секция, в которой помимо англичан после капитуляции Франции летом 1940 года стали работать французские и польские дешифровальщики, бежавшие в Англию из Франции.

Перед нападением Германии на Советскую Россию, благодаря немецким дешифровкам, англичане были осведомлены о наращивании Германией численности своих войск на востоке Европы. Уже в январе 1941 года в Блетчли-Парке стало известно о том, что Германия начала в массовом порядке перебрасывать свои армии на восточное направление. Однако английское правительство отказывалось поверить, что Гитлер будет воевать на два фронта. Оно считало, что Германия собирается предъявить ультиматум, в котором потребует территориальных уступок в Восточной Европе. Сталин полагал точно так же, а про все свидетельства надвигающейся войны думал, что они специально выдуманы на Западе, чтобы втянуть Советскую Россию в военный конфликт с Германией. Сталина часто упрекают за то, что он проигнорировал все эти свидетельства. Однако критики не учитывают, что в Англии сумели правильно интерпретировать поступающую разведывательную информацию всего лишь за месяц до начала войны между Германией и Советской Россией, а ведь в распоряжении англичан в отличие от Сталина были еще и немецкие дешифровки.

Нападение Германии на Советскую Россию стало для Англии настоящим подарком судьбы. Однако с началом военных действий между Германией и Советской Россией для ПКШ

возникла дополнительная проблема: следовало ли делиться радиоразведывательной информацией с русскими. Некоторые считали это бесполезным делом, поскольку полагали, что война на востоке продлится всего несколько месяцев. Другие настаивали, что даже ценнейшие данные радиоразведки не смогут пробиться через атмосферу самообмана, которым окружил себя Сталин.

Когда английское военное командование открыло свое представительство в Москве, руководство ПКШ решило для начала осторожно узнать через военных представителей, как обстояли дела у советских дешифровальщиков. Были сделаны запросы по поводу низкоуровневых немецких шифрсистем типа трехбуквенных кодов военно-воздушных сил (ВВС) Германии. В дальнейшем планировалось прикомандировать сотрудника ПКШ к военному представительству Англии в Москве и постепенно убедить русских разместить у себя английскую станцию перехвата немецких прифронтовых радиogramм. В конце 1941 года для переговоров в Москву был послан майор английской авиации Скотт-Фарнье, до этого работавший на станции перехвата на Ближнем Востоке.

Скотт-Фарнье передал русским значительный объем информации о низкоуровневых шифрсистемах немецких ВВС. Однако в Москве он довольно скоро столкнулся с совершенно с другим взглядом на сотрудничество в области разведки.

Русские очень ценили захваченные у немцев документы и совершенно не доверяли данным из других источников. В итоге Скотт-Фарнье оказался вовлечен в процесс обмена документами, в ходе которого русские, по его словам, придерживались тактики «торговца лошадьми, наслаждающегося торгом, и менялись по принципу баш на баш».

Руководство ПКШ некоторое время никак не могло принять решение, стоило ли продлевать пребывание Скотта-Фарнье в Москве. Деннистон колебался, поскольку русские продолжали отступать под натиском немцев. Однако разведывательные службы всех трех видов вооруженных сил Англии решили не отказываться от сотрудничества с русскими. Начальник военно-воздушной секции в Блетчли-Парке Джошуа Купер, к которому поступали материалы, переданные русскими, пришел к выводу, что советские дешифровальщики мало продвинулись в работе над взломом шифрсистем немецких ВВС. Тем не менее Купер считал, что русским надо устроить экскурсию по одной из английских станций перехвата, чтобы они поняли, как надо правильно действовать, чтобы добиться успеха. По мнению Купера, если бы русским там понравилось, они непременно разрешили бы разместить английскую станцию перехвата на своей территории. В конечном итоге было решено на смену Скотту-Фарнье отправить в Москву офицера одной из армейских станций перехвата Эдварда Кренкшоу, дав ему с собой пачку документов для обмена с русскими. К исполнению своих обязанностей Кренкшоу приступил весной 1942 года.

Самых больших радиоразведывательных успехов на территории Советской России удалось добиться английским военным морякам. Они сопровождали морские караваны, которые доставляли военные грузы в Мурманск, что послужило предлогом для размещения английской военно-морской радиостанции в городе Полярный. К ней было прикомандировано небольшое радиоразведывательное подразделение, которое вместе с русскими занималось перехватом низкоуровневых сообщений немецких военно-морских сил. Это подразделение проработало в Полярном до декабря 1944 года и сумело добыть там ценную радиоразведывательную информацию о военных кораблях Германии в северных широтах, включая данные о местонахождении немецкого линкора-гиганта «Тирпиц».

Главным препятствием для расширения сотрудничества с русскими была недостаточная, с точки зрения англичан, стойкость советских шифров. В 1942 году в ПКШ стало известно о том, что значительная часть военных фронтовых сообщений читалась немцами. Немцы передавали дешифрованные советские сообщения с восточного фронта в Берлин, используя «Энигму», которая была взломана англичанами.

Сотрудник ПКШ Фредерик Уинтерботэм, который занимался распространением полученной радиоразведывательной информации среди заинтересованных лиц, предложил напрямую предупредить русских о слабости их шифрсистем. Коллеги Уинтерботэма возразили, что этого делать было нельзя ни в коем случае, даже если удалось бы придумать легенду прикрытия, которая помогла бы объяснить русским, откуда стало известно про уязвимость советских шифров. Ведь высокоуровневые советские шифры тоже могли оказаться нестойкими, и тогда переданная русским информация могла просочиться к немцам.

16 июня 1942 года заместитель директора ПКШ Найджел Грей решил спор в пользу Уинтерботэма. Командировка Кренкшоу в Москву подходила к концу. Перед отъездом на родину ему было приказано просветить русских по поводу нестойкости их шифрсистем. Скорее всего, решающую роль при принятии такого решения сыграли успехи Советской России в войне. Для англичан это означало, что в ближайшей перспективе русские оставались одним из ключевых союзников Англии в войне с Германией, которому надо было оказывать всяческую поддержку.

В августе 1942 года Кренкшоу проинформировал своих русских коллег про изъяны в их шифрах и обратил внимание на недопустимость использования низкоуровневых шифрсистем для засекречивания ценной информации. Про взлом «Энигмы» Кренкшоу было запрещено упоминать, поэтому он сослался на некие «разрозненные источники», из которых, якобы, англичане про это узнали. Естественно, что русские не вняли предупреждениям Кренкшоу, поскольку, по их мнению, эти предупреждения не были подкреплены документами, заслужившими доверия.

В феврале 1943 года Кренкшоу вернулся в Блетчли-Парк. Там он попытался сохранить контакт с Москвой, однако отношения становились все более холодными. Тревис был согласен продолжить сотрудничество с русскими, только если оно приносило бы прямую выгоду для ПКШ. 9 февраля 1944 года руководство ПКШ рассмотрело предложение Кренкшоу пригласить советских дешифровальщиков приехать в Англию, и решило не делать этого. В дальнейшем о сотрудничестве с Советской Россией в области радиоразведки англичане больше не вспоминали.

Следует отметить, что вопрос о том, какой радиоразведывательной информацией англичанам следовало делиться с русскими, носил чисто теоретический характер. Его решение особого практического значения не имело и вот почему. Все это время один из самых ценных агентов советской разведки Джон Кернкросс работал в ПКШ. В начале 1930-х годов Кернкросс учился в Кембриджском университете, где знаменитый Энтони Блант активно вербовал агентов для советской разведки. Однако тогда Блант обошел Кернкросса своим вниманием, поскольку счел неподходящей кандидатурой из-за сварливости и заносчивости.

После поступления на службу в министерство иностранных дел Кернкросс был завербован известным английским коммунистом Джеймсом Ключманом. Трудный характер не позволял Кернкроссу надолго задерживаться на одном месте. В 1941 году он перешел в ПКШ, где работал в барак № 3 над взломом шифров немецких военно-воздушных сил. 1943 год стал триумфальным для Кернкросса, который предупредил своего куратора из КГБ о готовившемся наступлении немцев под Курском. Вскоре после Курской битвы Кернкросс ушел из ПКШ. Поэтому даже если бы англичане добровольно поделились радиоразведывательной информацией о намерениях немцев с русскими, то вряд ли, она была бы воспринята так же серьезно, как документ с этой же информацией, украденный советским агентом в ПКШ.

Кернкросс был не единственным советским агентом, который имел доступ к немецким дешифровкам в ходе Второй мировой войны. В конце 1942 года Блант стал одним из двух офицеров английской контрразведки МИ-5, прикомандированных к ПКШ. Таким образом, английские спецслужбы не зря опасались советских агентов в своих рядах, равно как и подрывных действий коммунистического подполья в Англии. У английской полиции была своя станция радиоперехвата в Лондоне, которая регулярно фиксировала обмен радиogramмами

между советскими агентами в Англии и Москвой. О том же самом докладывала и английская Служба радиоконтрразведки, которая отслеживала радиопередачи агентов иностранных разведок в Англии. Шифры, применяемые советской агентурой в Англии, взломать не удалось. Менее стойкими оказались шифросистемы, использовавшиеся подпольщиками-коммунистами в Западной Европе. Правда, чтение их переписки с Москвой в ПКШ продемонстрировало, что они были заняты исключительно борьбой с общим для Англии и Советской России врагом – фашистской Германией и ни о чем другом не помышляли.

Что касается сотрудничества английских дешифровальщиков с своими американскими коллегами, то оно первоначально носило очень ограниченный характер. Основным препятствием для его расширения была чрезмерная осторожность англичан. В Первую мировую войну Англия и США активно обменивались информацией о своих успехах на поприще радиоразведки. Однако, когда в 1940 году на совещании в ПКШ обсуждался вопрос о возобновлении взаимодействия с американцами в работе над взломом вражеских шифров, Деннистон напомнил присутствовавшим о том, что после окончания Первой мировой войны бывший американский дешифровальщик Герберт Ярдли опубликовал мемуары, в которых подробно рассказал о своей работе. После этого при одном упоминании имени Ярдли английских дешифровальщиков бросало в дрожь. Дошло до того, что англичане в ультимативной форме потребовали от канадцев, чтобы те уволили Ярдли, который в начале Второй мировой войны был принят на работу в канадскую дешифровальную спецслужбу, прежде чем ПКШ пойдет с ней на контакт в рамках военного сотрудничества.

Американцы же, напротив, не испытывали никакого предубеждения против сотрудничества с англичанами и уже в январе 1941 года поделились с ними самыми сокровенными секретами взлома «пурпурного» шифратора, использовавшегося Японией для засекречивания дипломатической переписки. Американцы даже передали в дар англичанам несколько копий «пурпурного» шифратора. Однако англичане отказались в ответ научить американцев взламывать немецкую «Энигму», сославшись на недостаточное соблюдение американцами режима секретности. Это оправдание вряд ли можно признать достаточным основанием для отказа, поскольку англичане сами не отличались дисциплинированностью. Одна из копий «пурпурного» шифратора, подаренных американцами англичанам, была доставлена на корабле на английскую военную базу в Сингапуре и там безвозвратно потеряна, когда английские войска были вынуждены спешно эвакуироваться под натиском стремительного японского наступления.

Сотрудничество англичан с американцами в ходе Второй мировой войны было затруднено еще и потому, что и в армии, и в военно-морских силах США существовали свои дешифровальные службы, которые между собой не ладили. Армейские дешифровальщики выступали за сотрудничество с англичанами, в то время как военно-морские были категорически против. В их спор был вынужден вмешаться президент США Рузвельт, который решил его в пользу армии. В результате в начале 1941 года делегация американских дешифровальщиков посетила Англию. Там они провели несколько месяцев, совершая экскурсии по Блетчли-Парку и посещая окрестные станции перехвата. Однако руководство ПКШ по-прежнему отказывалось делиться с американцами секретами взлома «Энигмы». Начальник военно-морской дешифровальной службы США Лоуренс Саффорд впоследствии охарактеризовал англо-американское сотрудничество на рубеже 1940-1941-х годов как «игру в одни ворота», когда американцы отдавали англичанам бесценный материал, касавшийся взлома японских шифров, а взамен не получали ничего. Только в конце 1941 года очень ограниченный круг американских дешифровальщиков получил доступ к английским материалам по «Энигме».

Хотя американские дешифровальщики были более разобщены, чем английские, у них было то, чего явно не хватало англичанам — обильное финансирование. Поэтому расширение сотрудничества Англии с США позволяло англичанам избавляться от решения задач, на кото-

рые у них не хватало материальных и людских ресурсов. В первую очередь, это касалось высокоуровневых шифрсистем японской армии, а также шифрсистем консульств Японии в Юго-Восточной Азии, которые занимались активной разведывательной деятельностью. 22 августа 1941 года Деннистон в ходе своего визита в США убедил американцев как можно скорее взять на себя задачу взлома основной шифрсистемы сухопутных сил Японии. Интересно отметить, что в конце Второй мировой войны над ее взломом трудились в общей сложности целых две с половиной тысячи американских дешифровальщиков, но добиться успеха они так и не смогли.

Но даже сотрудничество с американцами не заставило английских дешифровальщиков полностью прекратить работу над чтением американской переписки. Например, в ПКШ успешно взламывали так называемый «серый» дипломатический код США вплоть до декабря 1941 года, когда Черчилль написал Рузвельту: «С того самого момента, когда мы стали союзниками, я распорядился прекратить эту работу. Однако, как мне сказали, не следует недооценивать степень успеха, которого могут здесь достигнуть наши противники». Несмотря на это распоряжение Черчилля, английские дешифровальщики продолжили читать переписку американских торговых атташе. А в 1944 году ПКШ стала перехватывать открытую переписку американских нефтяных компаний, когда они занялись активным поиском новых рынков сбыта своей продукции в Западной Европе.

Наверное, именно поэтому англо-американское сотрудничество в ходе Второй мировой войны ограничилось только взломом вражеских шифрсистем и не распространялось на разработку собственных. В США и армия, и военно-морские силы единогласно решили ничего не рассказывать англичанам про используемые шифры. Еще в сентябре 1940 года начальник штаба сухопутных войск США Джордж Маршалл даже издал по этому поводу специальный приказ, запрещающий обмен любой информацией об американских шифрах с англичанами.

Аналогичные опасения были и у англичан. В феврале 1945 года недавно созданное английское правительственное Бюро по вопросам политики в области криптографии приступило к обсуждению предложения, озвученного секретарем этого бюро Эдмундом Уилсоном, «свободно и в полном объеме» делиться с американцами данными о разработке английских шифраторов. Против этого резко выступил Мензис, и в итоге было решено ограничиться только информацией о шифраторах, предназначенных для совместного использования в США и в Англии.

Постепенная утрата англичанами монополии на радиоразведывательную информацию, добываемую благодаря взлому немецкой «Энигмы», создала предпосылки для расширения англо-американского сотрудничества в области радиоразведки. В самом начале Второй мировой войны в Блетчли-Парке считали, что англо-американское сотрудничество будет заключаться в том, что американцы продолжат работу над японскими шифраторами, которую начали перед войной, а тем временем англичане сосредоточат усилия на «Энигме», сами решая, какими плодами своего труда поделиться с американцами, а какие оставить исключительно для собственного пользования. И хотя англичане проинформировали американцев про «Энигму» еще в 1941 году, о некоторых существенных деталях они все же умолчали.

В 1942 году немецкие военно-морские силы стали использовать более сложную модификацию «Энигмы». Англичанам срочно потребовалось изготовить дополнительное количество «бомб» – электромеханических устройств, которые применялись для ускорения процесса взлома «Энигмы». В Англии не было ни сил, ни средств, чтобы это сделать. В итоге в сентябре 1942 года Иосиф Венгер, шеф американских военно-морских дешифровальщиков, сделал предложение, от которого в ПКШ не смогли отказаться. Он сказал, что готов потратить 2 миллиона долларов на приобретение не менее 230 «бомб» – в 10 раз больше, чем суммарное число «бомб», которые имели в своем распоряжении англичане. Узнав об этом предложении, Тилтман сказал коллегам, что английской монополии на взлом «Энигмы» пришел конец, поскольку американцы собрались заниматься этим в промышленных масштабах.

В том же сентябре 1942 года Тревис и глава военно-морской секции ПКШ Фрэнк Берч съездили в Вашингтон, чтобы заключить с американскими коллегами из военно-морских сил соглашение о всеобъемлющем сотрудничестве в работе над чтением немецкой военно-морской переписки, включая взлом модифицированной «Энигмы». Тревису внушал оптимизм тот факт, что Венгер ни словом не обмолвился с армейскими дешифровальщиками о заключенном соглашении. Англичане все еще надеялись сохранить монопольный контроль над чтением шифрованной переписки военно-воздушных сил и сухопутных войск Германии. Однако такое положение дел продлилось относительно недолго. Способность американцев произвести на порядок больше «бомб», чем были в состоянии сделать англичане, в конечном итоге заставила последних пойти на уступки. 17 мая 1943 года руководство ПКШ дало согласие, чтобы американские дешифровальщики приняли участие во взломе «Энигмы», которой пользовались «вермахт» и «люфтваффе».

Во время Второй мировой войны американцы и англичане сотрудничали в работе над взломом не только военных, но и дипломатических шифрсистем. Деннистон, который руководил дипломатической секцией ПКШ, добился от американцев участия в чтении переписки Германии, Испании, Италии, Португалии, Франции и Японии. Перед началом Второй мировой войны англичане читали шифрованные дипломатические депеши в общей сложности 26 иностранных государств. Поэтому, когда американцы предложили англичанам доступ к японским дешифровкам, англичане смогли ответить на любезность еще большей любезностью и поделиться с американцами радиоразведывательной информацией по целому ряду стран, включая методы взлома высокоуровневых дипломатических шифров Италии.

В марте 1942 года Тилтман посетил Вашингтон, привезя с собой дипломатические шифры Испании и Франции. К 1944 году американцы получили от англичан дипломатические шифры Венгрии, Греции, Ирака и Ирана. Как США воспользовались этим «подарком» Англии, неизвестно. Деннистон однажды даже не сдержался и задал вслух риторический вопрос: «Они там действительно применяют на практике материалы, которыми мы с ними поделились, или просто поставили их на полку в своем хранилище?» Однако англичане воздержались от передачи американцам дипломатических шифров своих сателлитов, типа Египта.

Обмен дипломатическими секретами между Англией и США оказался чреват довольно деликатными проблемами. Дипломаты иностранных государств часто пересказывали в своих депешах на родину беседы с английскими должностными лицами. В этих беседах англичане иногда допускали пренебрежительные высказывания по поводу американской политики или в адрес американских государственных деятелей. Поэтому на дешифровках, которые содержали подобные высказывания, в ПКШ ставился гриф «для служебного пользования». Это означало, что их не следовало показывать американцам. Однако данное решение было не очень корректным. Американцы часто добывали радиоразведывательную информацию о переговорах английских чиновников и представителями зарубежных стран самостоятельно и в конечном итоге весной 1944 года заметили, что англичане от них что-то утаивали. США попытались надавить на Англию, чтобы она отказалась от подобной практики, но безуспешно. Вторая мировая война уже близилась к концу, и Англия не желала, чтобы о ее истинном отношении к той или стране становилось известно кому бы то ни было еще.

У американцев были другие опасения. Они не были уверены, что англо-американское сотрудничество в области радиоразведки окажется жизнеспособным и после окончания Второй мировой войны. Американский полковник Альфред Маккормак, посетивший Блетчли-Парк в начале 1942 года, в отчете о своем посещении написал, что англичане – «очень практичные люди» и что «несомненно в какой-то момент времени, возможно, еще до окончания войны они возобновят работу над чтением американских сообщений». Однако страх перед более грозным врагом — Советской Россией оказался более сильным, чем взаимное недоверие англичан и американцев. 31 августа 1942 года сотрудник ПКШ Джеффри Стивенс побы-

вал в Арлингтон-Холле – штаб-квартире дешифровальной службы сухопутных войск США в окрестностях Вашингтона. Одной из обсуждаемых тем стала работа против Советской России. Стивенс очень обрадовался, когда узнал, что американцы перехватывают переписку советских посольств в Вашингтоне и в Токио. По возвращении на родину Стивенс радостно доложил своему начальству, что американцы пока не занимаются дешифрованием перехваченных советских сообщений только потому, что все их усилия были направлены на взлом шифрсистем стран «оси». Однако, по мнению Стивенса, рано или поздно придет черед советского трафика, поскольку американцы очень мало доверяют русским.

Предсказания Стивенса сбылись уже в феврале 1943 года, когда в составе армейской дешифровальной службы США начала функционировать советская секция. А в конце 1944 года англичане, предвидя грядущую потребность в расширении штата дешифровальщиков, работающих над взломом советских шифрсистем, отвели для размещения сотрудников советской секции ПКШ более просторное помещение.

Английские и американские дешифровальщики не обменивались никакой радиоразведывательной информацией по поводу советских шифрсистем вплоть до июля 1945 года, когда американцы официально предложили англичанам принять участие в программе «Бурбон», нацеленной против Советской России. Эта программа была признана настолько секретной, что американцы и англичане даже побоялись зафиксировать ее на бумаге. Достигнутое соглашение существовало только в устной форме и было скреплено простым рукопожатием между капитаном Элвином Джонсом, представителем ПКШ в Вашингтоне, и оставшимся безымянным высокопоставленным офицером дешифровальной службы американских военно-морских сил.

Военные трофеи

Когда наступавшие англо-американские войска пересекли границу Германии, вслед за ними по пятам двинулись команды Целевого информационного комитета (ЦИКОМ), которые начали охоту за немецким криптографическим оборудованием и немецкими дешифровальщиками. По словам Тревиса, эта операция велась исключительно в рамках межсоюзнического сотрудничества. Совершенно неожиданно для себя эксперты в области дешифрования превратились в командос. Они прошли короткий курс обучения обращению с автоматом и вскоре отправились в Германию в составе команд ЦИКОМ.

Майор Эдвард Рашворт из барака № 3 в Блетчли-Парке был назначен руководить командой ЦИКОМ из 12 офицеров, среди которых был Селмер Ноланд – американец, прикомандированный к ПКШ. Они прибыли в Аугсбург 8 мая 1941 года. Там им удалось найти только разбитый вдребезги экземпляр «Тунца» без роторов, задававших ключевые установки «Тунца». Продолжив поиски в окрестностях Аугсбурга, Рашворт и его команда вскоре отыскали невредимого «Тунца». После этого Рашворт отправился в немецкий городок Альпах на границе с Австрией Розенхейм, чтобы допросить взятого в плен немецкого шифровальщика. Там Рашворт узнал, что группа немецких военнопленных дешифровальщиков выразила желание переговорить с «правильными» людьми. Опасаясь стремительного наступления советской армии, они закопали дешифровальное оборудование, которое с успехом использовали для взлома русского аналога «Тунца». Немецкие дешифровальщики считали, что накопленный ими опыт весьма пригодится англичанам и американцам в послевоенное время, и хотели обговорить для себя выгодные условия, на которых были готовы поделиться этим опытом.

23 мая 1945 года немцы откопали и распаковали свое дешифровальное оборудование. После установки и настройки они продемонстрировали, как с помощью этого оборудования можно читать советские шифровки. Далее оборудование снова было упаковано в добрую сотню ящиков и коробок, а затем погружено на 5 грузовиков. Конечным пунктом назначения ценного груза был Блетчли-Парк.

6 июня 1945 года прибывшее в Блетчли-Парк немецкое дешифровальное оборудование было в очередной раз распаковано. Его работоспособность была проверена на перехваченных советских шифровках. Полученная радиоразведывательная информация получила кодовое имя «Икра». Она не затрагивала стратегические и политические вопросы, но зато позволяла получить детальное представление о мероприятиях, в которых советские вооруженные силы участвовали в послевоенной Европе.

Тем временем в Блетчли-Парк тоннами начали прибывать захваченные у немцев документы, которые имели отношение к советским шифрам. В середине 1945 года Тревис попросил сотрудника ПКШ Рассела Дадли-Смита хотя бы бегло просмотреть эти материалы, чтобы решить, какие из них следовало подробно изучить в первую очередь, а какие можно было отложить на потом. Над разбором поступивших в Блетчли-Парк немецких материалов Дадли-Смит проработал вплоть до 1951 года. Что же касается захваченного у немцев дешифровального оборудования, то оно оседало в ПКШ, а дубликаты переправлялись в США.

Не менее знатный улов достался американскому полковнику Полю Неффу, руководившему другой командой ЦИКОМ. В нее входили Уильям Банди, который позднее при президенте США Линдоне Джонсоне стал помощником государственного секретаря, и Джеффри Стивенс из Блетчли-Парка. В апреле 1945 года команда Неффа в старинном замке недалеко от Лейпцига допросила 14 немецких дешифровальщиков— сотрудников дешифровального подразделения из состава министерства иностранных дел Германии, специализировавшегося на чтении переписки Советской России и балканских стран. И немецкие дешифровальщики, и все захваченные у них документы были самолетом отправлены в Блетчли-Парк. Перед отправкой

Нефф распорядился зачистить все следы пребывания немецких дешифровальщиков в замке, поскольку он находился в зоне, которая позднее должна была перейти под контроль советских войск.

19 мая 1945 года англичане взяли в плен генерал-майора Клемме, одного из руководителей радиоразведывательной службы ВВС Германии. Его отправили самолетом в Англию, где продержали до 10 марта 1948 года, пока не выудили у него все, что ему было известно про советские коммуникации. 22 мая 1945 года около Мюнхена англичане поймали двух немецких дешифровальщиков – майора Оелджешаегера и майора Беульмана, сотрудников Берлинского радиоразведывательного центра. Их тоже переправили в Англию в лагерь для немецких военнопленных. Там они встретились с начальником Берлинского радиоразведывательного центра полковником Фридрихом, который был взят в плен незадолго до этого. К июню 1945 года англичане и американцы переловили практически всех ведущих дешифровальщиков военно-воздушных сил Германии.

Англо-американские команды ЦИКОН конкурировали с советскими командами, которые тоже охотились за немецким криптографическим оборудованием и немецкими дешифровальщиками. Вскоре в Блетчли-Парке обнаружили, что русские стали пользоваться немецкими сетями связи, на которых для засекречивания сообщений немцами применялись «Энигма» и «Тунец», для собственных нужд. Однако надеждам использовать знания и навыки, накопленные в процессе взлома «Энигмы» и «Тунца» в военное время, для чтения советской переписки, которая шифровалась при помощи этих шифраторов уже после окончания Второй мировой войны, было не суждено сбыться. Рой Дженкинс, который тогда работал в ПКШ, так описал ситуацию, сложившуюся в мае 1945 года: «Когда русские вошли в Берлин, они захватили «Тунцы» в военном министерстве Германии, поменяли в них ключевые установки и начали использовать для обмена сообщениями с Белградом и другими столицами своих новоявленных союзных государств. Мы продолжали осуществлять перехват и из всех сил пытались прочесть перехваченные сообщения. У нас ничего не вышло. Я думаю, что новые ключевые установки были более стойкими (что заставляет задуматься над вопросом о том, насколько русские осведомлены о наших прошлых достижениях), и мы ослабили наши усилия на этом направлении».

В течение первой половины 1945 года команды ЦИКОН постепенно захватили контроль над всеми немецкими радиоразведывательными операциями, имевшими своей целью чтение шифрованной переписки среднего командного звена советской войсковой группировки в Германии. Ошибки в выборе подходящих моментов времени для англо-американских рейдов на немецкие радиоразведывательные центры были чреваты неблагоприятными последствиями. Слишком раннее начало такого рейда означало потерю источника ценной радиоразведывательной информации, которую перехватывали в Блетчли-Парке, а слишком позднее — позволяло немцам уничтожить документы и используемое оборудование. Поэтому в Блетчли-Парке не желали никакой самостоятельности при проведении подобных рейдов. Например, в мае 1944 года Мензис узнал о том, что несколько офицеров английской разведки собирались устроить диверсионные рейды против радиоразведывательных центров противника на Балканах. Мензис предупредил их, что в данный момент времени такие рейды были «крайне нежелательными» и что не следовало предпринимать никаких действий, предварительно не заручившись его личным согласием.

Радиоразведывательные операции еще одной страны «оси», помимо Германии, попали под контроль англо-американских союзников. После капитуляции Италии в 1943 году итальянское радиоразведывательное подразделение под командованием майора Барбьери продолжило свою работу на немцев в окрестностях города Брешиа на севере Италии. В конце Второй мировой войны англичане и американцы получили возможность допросить сотрудников этого подразделения в Риме. У них были изъяты большое количество документов, включая фотокопии дипломатических кодов Боливии, Ватикана, Румынии, Турции, Франции, Швейцарии и Эква-

дора. Весной 1945 года по заданию англо-американских союзников радиоразведывательное подразделение Барбьери сосредоточило свои усилия на чтении французской дипломатической переписки. В основном это были депеши послов Франции в США и Советской России, в которых затрагивались разнообразные политические вопросы, касавшиеся советско-югославских отношений, советской политики в Германии, планов Франции заняться разработкой немецких угольных месторождений и французских переговоров с США по поводу двухсторонних экономических отношений.

Предательское, по мнению англичан, поведение европейских стран во время Второй мировой войны породило недоверие к ним со стороны Англии. В ноябре 1944 года Черчилль написал: «Бельгийцы чрезвычайно слабы, и их поведение перед войной было ужасным. Голландцы очень эгоистичны и сражаются только, когда на них нападают, и то на протяжении всего лишь нескольких часов». Поэтому чтение дипломатической переписки вчерашних военных союзников Англии в Европе продолжало оставаться одной из основных задач гражданской секции ПКШ.

Особую обеспокоенность у Англии вызывало стремление Франции завязать более тесные отношения с Советской Россией. Свидетельством такого стремления стал визит в 1946 году бывшего министра авиации Франции Пьера Кота в Москву, которому было поручено начать переговоры о союзе между двумя странами, направленном против Германии. Поэтому внимание, которым в ходе Второй мировой войны пользовалось правительство Франции в изгнании со стороны английских дешифровальщиков, не ослабело и после ее окончания. Соответственно с подачи англичан в послевоенное время продолжило работу над чтением дипломатической переписки Франции и радиоразведывательное подразделение Барбьери.

Прочитанные французские депеши позволили англичанам и американцам получить довольно точное представление о послевоенной европейской дипломатии. Дошло до того, что в середине 1946 года больше половины всех информационных сводок, подготовленных армейскими дешифровальщиками США, были составлены на основе информации, которая содержалась в перехваченной переписке французских дипломатов. Наиболее интересными для англо-американских союзников оказались сообщения французских посольств в Восточной Европе. Например, была прочитана депеша посольства Франции в Тиране, в которой сообщалось о расстановке сил в правительстве Албании и о том, что просоветские элементы постепенно утрачивали там свои позиции. А из донесений французской разведки была получена информация о зарубежных операциях КГБ.

13 августа 1945 года Тревис отправил Венгеру пространное письмо, посвященное англо-американскому сотрудничеству в работе над взломом дипломатических шифрсистем Бельгии и Франции. В своем письме Тревис сообщил о намерении усилить работу на этих направлениях — особенно в том, что касалось Франции. Вскоре чтение англичанами испанской, латиноамериканской, португальской и французской дипломатической переписки было сосредоточено в гражданской секции ПКШ в группе под руководством Купера.

Что касается майора Барбьери, то он совершенно не возражал работать против французов, однако постоянно требовал увеличения численности своего служебного персонала. Барбьери жаловался, что многие из его подчиненных были захвачены в плен французами в Северной Африке и теперь использовались Францией для решения собственных дешифровальных задач. В увеличении численности персонала Барбьери было отказано, так как в ПКШ решили, что он и так хорошо справлялся с возложенными на него задачами. Вместо этого Барбьери дополнительно была поручена работа над советским военным перехватом уровня дивизии под кодовым наименованием «Конус». Английские дешифровальщики оказывали помощь своим итальянским коллегам в выделении «Конуса» в общем потоке перехваченных сообщений. Однако только Барбьери и его заместители знали о том, что «Конус» имеет советские корни.

Рядовые же подчиненные Барбьеры пребывали в полном неведении относительно этого факта, как, впрочем, и по поводу того, в чьих интересах ведется обработка «Конуса».

Рейды, проводимые командами ЦИКОМ, преследовали своей целью не только завладеть радиоразведывательными секретами противника в лице Германии, Италии и Японии, но и защитить собственные коммуникации. В их безопасности англичане были уверены вплоть до конца 1943 года. До той поры чтение вражеской переписки в ПКШ свидетельствовало только о нестойкости шифров английских союзников в Европе — Советской России и Свободной Франции. В Азии низкий уровень стойкости китайских шифрсистем и предательство шифровальщиков позволили Японии читать почти всю шифрованную переписку Китая. Для Англии все это означало, что с большинством военных союзников делиться данными своей радиоразведки не следовало ни при каких обстоятельствах.

Однако с капитуляцией Италии в конце 1943 года англичане выяснили одно пренеприятное для себя обстоятельство. Документы, захваченные у итальянских дешифровальщиков, неопровержимо свидетельствовали о том, что итальянцы добились успехов во взломе английских кодов. Капитан Эдмунд Уилсон, ведавший в ПКШ вопросами безопасности связи, был срочно командирован в Рим, где несколько раз подолгу беседовал с капитаном Кьянчи, возглавлявшим итальянское Криптографическое бюро. Это были именно беседы, а не допросы, поскольку Кьянчи добровольно делился с Уилсоном всей информацией, которой владел. По итогам проведенных бесед Уилсон заявил, что узнал много ценного о методах взлома английских военно-морских шифров. По мнению Уилсона, Англии очень повезло, что она смогла узнать о своих промахах в области криптографии из уст противника. Уилсон также обратился с просьбой к своим коллегам в ПКШ с особой осторожностью пользоваться секретной информацией, полученной из таких источников.

Последующие рейды команд ЦИКОМ в Германии подтвердили информацию о недостаточной стойкости английских военно-морских шифров. «Служба наблюдения» военно-морских сил Германии, занимавшаяся взломом военно-морских шифров Англии, в начале Второй мировой войны без особых проблем читала шифрованную переписку английских военных моряков. Благодаря этому, в 1940 году немцы заранее узнали о планах англичан напасть на город Нарвик в Норвегии, что существенным образом содействовало успешному отражению Германией английского нападения. Затем в 1942 году англичане по той же самой причине потерпели поражение в битве при Дьеппе. О планируемой англичанами атаке на Дьепп немцы узнали заблаговременно — за целых 5 суток до ее начала. Но наибольших успехов «Служба наблюдения» добилась в 1943 года в борьбе с англо-американскими северными конвоями. Ей удавалось сообщать командирам немецких подводных лодок об изменении маршрутов следования этих конвоев в течение нескольких часов после того, как им поступал приказ о таком изменении.

В конечном итоге все это привело к проверке стойкости английских военно-морских шифров комиссией под руководством бригадного генерала Читти, который первым делом нанес визит в Блетчли-Парк. По итогам своего посещения он составил доклад, в котором, в частности, говорилось: «Действительно, одна из 14 секций, функционирующих в Блетчли-Парке, называется секцией безопасности связи союзников. В ней по совместительству работает всего один сотрудник (Дадли-Смит), а также 2–3 женщины». Надзорные функции за секцией безопасности связи союзников должен был осуществлять правительственный Комитет по безопасности шифрсистем, возглавляемый Мензисом, который совершенно не уделял ему внимания. Более того, у Комитета по безопасности шифрсистем не было никаких действенных рычагов влияния, чтобы заставить другие правительственные ведомства строго следовать своим рекомендациям. Читти произвел выборочную проверку нескольких министерств и обнаружил, что подавляющее большинство из них не воспринимало вопросы обеспечения безопасности связи всерьез.

В своем докладе Читти написал, что абсолютно стойких шифров не существует. Свои наиболее важные государственные секреты Англия защищала с помощью так называемых одноразовых шифрблокнотов, которые, по мнению Читти, при правильном обращении не поддавались взлому. Однако, как отметил в докладе Читти, английские дешифровальщики ежедневно с успехом читали иностранную переписку, которая засекречивалась при помощи одноразовых шифрблокнотов, добывая их в виде фотокопий, путем воровства и посредством выуживания из корзин с бумажным мусором.

Большая часть правительственных сообщений в Англии шифровалась с помощью шифратора «Модель Икс» — английского аналога «Энигмы». «Модель Икс» обладала большей стойкостью, чем «Энигма». Однако, как заявил Читти, стойкость «Модели Икс» никогда всерьез не исследовалась. В этих условиях многое, как считал Читти, зависело от безошибочной работы английских шифровальщиков:

«Одна из самых поучительных историй, рассказанных мне в ПКШ, касается шифратора фирмы «Хагелин», который используется во многих странах, включая США, и в зависимости от обращения с ним обеспечивает разный уровень стойкости. У шведов и финнов он практически невскрывается, тогда как у итальянцев, которые являются в общем-то неплохими криптографами, мы с легкостью и давно читаем засекреченные с его помощью сообщения. Это происходит из-за лени итальянских шифровальщиков и наплевательского отношения к многочисленным установленным правилам обеспечения безопасной связи».

Для каждодневной переписки министерство иностранных дел Англии использовало устаревшие ручные и военные полевые шифры, которые были еще менее надежны. В марте 1944 года в дело вмешался не кто иной как сам Черчилль, распорядившийся создать правительственное Бюро по вопросам политики в области криптографии, которое возглавил Мензис. В помощь ему были приданы Тревис вместе с представителями военного министерства и генерального штаба. А в ПКШ была учреждена должность еще одного заместителя директора — советника по вопросам безопасности связи, который по совместительству исполнял обязанности секретаря Бюро по вопросам политики в области криптографии. Им стал капитан Уилсон, которого после войны сменил капитан Бертон-Миллер. В соответствии с названием в ведение Бюро были включены все вопросы, связанные с проектированием и производством шифраторов в Англии.

В 1944 году ПКШ выступила с инициативой, которая должна была помочь раз и навсегда избавиться от опасений, что противник может читать шифровки, перехваченные в английских линиях связи. Разработанный в ПКШ шифратор «Телекриптон 1» позволял автоматизировать процесс шифрования сообщений с помощью одноразового шифрблокнота. Одноразовые случайные последовательности, используемые для шифрования сообщений, в «Телекриптоне 1» считывались с предварительно изготовленной бумажной ленты. Первоначально «Телекриптон 1» применялся для засекречивания сообщений, которыми Блетчли-Парк обменивался с канадскими дешифровальщиками в Оттаве, а также с представительствам СРС и американскими дешифровальными службами в Вашингтоне. На смену «Телекриптону 1» был разработан «Телекриптон 2». Сего помощью планировалось защищать каналы связи, по которым передавались дешифровки для сведения фронтового военного командования англо-американских союзников. В 1970-е годы «Телекриптон 2» все еще продолжал использоваться в некоторых небольших английских посольствах.

В августе 1945 года, подводя итоги закончившейся Второй мировой войны, Черчилль заявил в беседе в английском королем Георгом VI, что взлом «Энигмы» стал решающим фактором в достижении победы над странами «оси». Обладая вооруженными силами, превосходившими своей численностью и вооружением английские войска, противник значительно отставал от Англии в области радиоразведки. Ветеран Блетчли-Парка Гарри Хинсли в своем историческом исследовании, посвященном роли радиоразведки при ведении боевых действий,

пришел к выводу, что дешифровки «Энигмы» сократили Вторую мировую войну на несколько лет, сохранив жизни многим людям по обе стороны фронта и не позволив Советской России намного дальше продвинуться в Европе в западном направлении.

С Черчиллем не согласился английский историк Поль Кеннеди, который написал, что Вторая мировая война стала битвой людских и материальных ресурсов. У Советской России и США этих ресурсов оказалось значительно больше, что и предрешило исход войны. Другой ветеран Блетчли-Парка Ральф Беннет возразил Хинсли, заявив, что если бы не было дешифровок «Энигмы», то союзнические страны изыскивали другие возможности для получения нужной им разведывательной информации, например, с помощью разведки с воздуха.

Но как бы ни спорили историки, несомненным остается одно: дешифровки «Энигмы» оказали огромное влияние на исход битвы за Англию и битвы за Атлантику. Очевидно, что рассмотрение этих исторических событий невозможно без признания решающей роли, которую сыграли действия английских дешифровальщиков в достижении победы англичан над немцами в этих битвах.

Послевоенная трансформация

Весной 1945 года поместье Блетчли-Парк больше всего напоминало учебное заведение в преддверии продолжительных каникул. Его обитатели смертельно устали от продолжительной изнурительной работы. Интеллектуальная нагрузка на них в годы Второй мировой войны была неимоверной, и в результате многие заболели нервными расстройствами. Поэтому большинство английских дешифровальщиков с чувством облегчения встретили известие об окончании войны как признак того, что в скором времени они смогут, наконец, покинуть ПКШ и вернуться к научной деятельности в колледжах, библиотеках и музеях.

Остальные, кто собирался связать свою дальнейшую судьбу с ПКШ, тоже подумывали об освобождении, правда, вкладывая в это слово совсем иной смысл. Они хотели свободы не лично для себя, а для ПКШ. Их выдающие достижения во время Второй мировой войны могли остаться в безо всякого продолжения в послевоенной Англии, поскольку ПКШ находилась в ведении СРС, где верховодили бывшие кавалерийские офицеры-неудачники, ни бельмеса не понимавшие в радиоразведке. Чтобы продолжить успешно развиваться, ПКШ необходимо было стать полноправным разведывательным ведомством — возможно, видоизменившись и преобразившись. Одним из признаков такой трансформации был наметившийся переход к использованию нового более пафосного названия — Центр правительственной связи вместо приземленной аббревиатуры ПКШ.

Сотрудник ПКШ Питер Калвокоресси вспоминал, что перед Второй мировой войной ПКШ в точности соответствовала своему названию — ни больше и не меньше. В ней просто создавались шифры для использования в государственных учреждениях Англии и взламывались шифры других стран. Но уже в военное время взлом шифров в Блетчли-Парке постепенно начал сопровождаться процессом добывания радиоразведывательных данных, что привело к созданию целой системы их практического использования. Были созданы технические средства для быстрого доведения полученной информации до заинтересованных лиц в правительстве и высшем военном командовании даже в таких удаленных от Блетчли-Парка географических областях как Юго-Восточная Азия. Напряженная обстановка на фронтах Второй мировой войны заставляла сотрудников ПКШ в самое короткое время находить решения, которые в мирное время пришлось бы воплощать в жизнь десятилетиями.

Еще одним достижением Блетчли-Парка, которое сразу бросалось в глаза посторонним наблюдателям, было органическое смешение в нужных пропорциях гражданских служащих с представителями всех трех видов вооруженных сил Англии. Инспектировавшие Блетчли-Парк генералы и адмиралы неизменно возмущались, видя военнослужащих одетыми не по форме — в цветные свитера и мешковатые вельветовые брюки, и требовало от них немедленно переодеться в строгое соответствие с военными уставами. Однако военное начальство приезжало и уезжало, а дух, царивший в стенах Блетчли-Парка оставался неизменным. Американцы смогли добиться подобной естественной интеграции военных и гражданских среди своих дешифровальщиков только в середине 1950-х годов. А в Германии в 1940-х годов дешифровальные службы, принадлежавшие различным ведомствам, боролись друг с другом примерно с таким же остервенением, как с врагами Германии.

Непосредственно после окончания Второй мировой войны в мире наметилась тенденция к превращению радиоразведки в доминирующий клан мирового разведывательного сообщества. По воспоминаниям ветерана ПКШ дешифровальщики из Блетчли-Парка считали себя элитой среди элиты. Материалы, которые добывались другими разведывательными службами, снабжались грифом «совершенно секретно». И только радиоразведывательные информационные сводки имели особый гриф «Ультра совершенно секретно». Способность накладывать строгие ограничения на распространение своей информации всегда являлась одним из при-

знаков полноценности и самодостаточности любой разведывательной организации. Эта одержимость секретностью распространялась не только на документы, но и на сотрудников ПКШ. Во время Второй мировой войны в ПКШ действовало неписанное правило, которое гласило: «Обратной дороги отсюда нет». Иными словами, попав на работу в ПКШ, люди теряли возможность уйти, чтобы заняться чем-либо другим.

Доминирующее положение английской радиоразведки в военные годы отчасти определялось количеством людей, которые в ней трудились. В конце Второй мировой войны их количество составляло более 10 тысяч человек. На ПКШ работали станции перехвата вооруженных сил Англии. Наиболее ценный перехват доставлялся в Блетчли-Парк для дальнейшей обработки. А перехват более низкого уровня использовался в местах, где он добывался. Это были незашифрованные вражеские сообщения, включая голосовые переговоры, и общие характеристики трафика противника, анализируя которые можно было делать обоснованные выводы о его ближайших намерениях. Многие из военных станций перехвата продолжили функционировать и после окончания Второй мировой войны. Налицо были все признаки свершившейся промышленной революции в английской радиоразведке: и Блетчли-Парк, и станции перехвата работали в круглосуточном трехсменном режиме, используя современные орудия автоматизации своего труда, изготовленные специально для этой цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.